

ФОРМИРОВАНИЕ СТЕРЕОТИПА ПРОТИВНИКА В СССР 1930–1940-Х ГГ. ПРИ ОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О.Ю. Стародубова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
starodubova_olesya@mail.ru*

Аннотация. Тотальные военные конфликты XX столетия между Россией и Германией актуализировали негативное восприятие двух государств и аккумулялировали особую форму оценки друг друга – «образ врага». Сложная внешнеполитическая обстановка межвоенных и военных лет поставила перед советской пропагандой цель – в кратчайшие сроки сформировать адекватный современным реалиям образ противника.

В 1930–1940-е годы для достижения данной цели пропагандистские инстанции обратились к историческому примеру русско-германского противостояния – Первой мировой войне. На процесс создания образа врага оказали влияние дипломатические коллизии 1930–1940-х гг., сжатые сроки, массовость объекта распространения (население СССР), социально-исторический и индивидуальный опыт. В 1930-е годы образ врага формировался под влиянием господствовавшей в СССР концепции пролетарского интернационализма. Обращение к военному конфликту 1914–1918 гг. демонстрировало зарождение в германской армии революционных идей и ненависти к империалистической власти. Главным ориентиром для пропагандистских инстанций стала коммуникативная историческая память, подразумевающая непосредственный коллективный и личный опыт общения с немецкой армией в 1914–1918 гг.

Быстро меняющаяся внешнеполитическая ситуация расставляла свои акценты в изображении врага. Вторжение германских войск на территорию Советского государства актуализировало Первое мировое противостояние и внесло собственные коррективы в образ врага, актуализировало исторические факты негуманного отношения немцев к русским солдатам и военнопленным в Первую мировую войну. Конкретные примеры зверств и ассоциативные модели были нацелены на достижение пропагандистского эффекта и формировали у советского человека эмоциональную враждебность и неприятие фашистов. Победы советской армии сняли необходимость широкой пропаганды образа врага-немца периода Первой мировой войны, но при помощи произведений мемуарной и художественной литературы содействовали его закреплению в исторической памяти.

Ключевые слова: образ врага, советская пропаганда, Первая мировая война, Брусиловский прорыв, историческая память, коммуникативная память, ассоциативные модели, массовое сознание

Стародубова Олеся Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: starodubova_olesya@mail.ru

Введение

Тотальные военные конфликты XX столетия между Россией и Германией актуализировали негативное восприятие социумов двух государств и аккумуляровали идеолого-психологический стереотип – «образ врага». Сложная внешнеполитическая обстановка межвоенных и военных лет поставила перед советской пропагандой цель – в кратчайшие сроки сформировать адекватный новым реалиям образ противника.

Изучение процесса формирования «образа врага» российскими исследователями имеет давнюю традицию. С 1994 г. в Институте российской истории РАН проходит ежегодный круглый стол «Россия и мир: проблемы взаимовосприятия», на котором решаются вопросы исторического опыта взаимодействия государств, особенностей формирования образа врага в общественном сознании под воздействием пропаганды и повседневных практик. Созданию внешнеполитических стереотипов в сознании советского общества посвящена монография ученых Института российской истории РАН¹. Проблема конструирования образа врага исследуется в трудах Е.С. Сеньявской², А.В. Фатеева³, Н.В. Черновой⁴ и др. Вопросы межкультурной коммуникации поднимаются в коллективной монографии российских и германских ученых «Публицистический арсенал общественных движений России и Германии»⁵. Результаты воздействия пропаганды на процесс восприятия русских и немцев во время Первой мировой войны являются предметом анализа в работах А.Г. Дорожкина⁶ и др.

Неотъемлемым условием складывания и сосуществования человеческих общностей является социально-психологическая оппозиция «мы» и «они», которая влияет на формирование их идентичности. В периоды социально-политических кризисов, характеризующихся наличием негативного отношения к категории «они», в рамках данной оппозиции возникает противопоставление «свой» – «чужой». Как результат их взаимодействия во время военных конфликтов появляется сложная идеолого-психологическая конструкция – «образ врага». Процесс ее формирования начинается под влиянием информационно-пропагандистской работы.

Внешнеполитическая обстановка 1930-х гг. потребовала от советской власти смены ориентиров в изображении внешнего врага. Мощным средством воздействия на массовое сознание стала советская пропаганда, главной целью которой была психологическая мобилизация населения СССР на случай грядущей войны. Нарастающая военная опасность со стороны фашистской Германии вызвала необходимость обращения советской пропаганды к опыту недавнего русско-германского противостояния – Первой мировой войне.

Для создания образа врага пропагандистам СССР пришлось обратиться к коммуникативной исторической памяти, подразумевающей непосредственный коллективный и личный опыт общения с немецкой армией в 1914–1918 гг.

¹ Голубев 1998.

² Сеньявская 2006, 3–5.

³ Фатеев 1999.

⁴ Чернова 2004, 314–331.

⁵ Шулежкова (ред.) 2015.

⁶ Дорожкин 2004, 91–110.

С началом Первой мировой войны официальная российская пресса проводила психологическую обработку населения в антигерманском духе. Причиной вступления России в войну была объявлена необходимость защиты славянства от германской агрессии. Война преподносилась как социально-политический конфликт, имеющий важное нравственное значение для народа. В качестве эффективного средства распространения образа врага использовалась периодическая печать. Она закладывала в сознание народа образ врага, способный вызвать ненависть и готовность отстаивать интересы государства. Этому были посвящены не только газетные публикации, но и отдельные книги и брошюры, способствующие «правильному» отражению хода военных действий. Такие издания были ориентированы на принижение врага. Убедительнее всего эту роль выполняла лубочная литература, осуществлявшая задачу популяризации войны в общественном сознании⁷. В ее произведениях немцам приписывались пьянство, воровство, мародёрство. Однако, несмотря на старания пропаганды, образ врага в сознании советских участников противостояния менялся в ходе военных действий. На фронте и в тылу росли страх и уверенность в непобедимости германской армии. Очевидное превосходство противника все чаще вызывало панические настроения. Военные донесения изобиловали примерами паники перед встречей с противником, бегства с поля боя. Так, в феврале 1915 г. начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Н.Н. Янушкевичу сообщалось: «Когда же на станции появилась неприятельская кавалерия, которой, по показаниям присутствовавших, было всего два эскадрона, и они, спешившись, открыли огонь, то в рядах 56 пехотной дивизии поднялась неописуемая паника. Имеются указания, что первыми бежали офицеры, за ними бросились и солдаты, часть из них разбежалась по окрестным полям, другая же без всякого сопротивления сдалась»⁸.

О наличии в российском обществе страха перед мощью немецкой армии поведал общественный деятель Л.А. Тихомиров: «В головы народа проникло тяжкое мнение, что мы не способны разбить немцев. Это подавляющее чувство может быть уничтожено только победами над немцами <...> Но замечательно, что где нам приходится иметь дело с немцами – победа не дается <...> Иначе, пока не разрушен страх перед немцами, немисливо вести серьезную войну»⁹.

После череды тяжелых военных поражений 1915 г. русская армия была отеснена противником вглубь своей территории. В тылу росли недовольство и паника. Поражение русских войск стало причиной разочарования общества в деятельности государственной власти. Ходили слухи об измене министров и предательстве генералитета. С 1916 г. на русско-германском фронте участились случаи братания солдат. Сравнение себя с противником, тяготы фронтовой жизни, усталость от войны вызывали сочувствие к вражеским солдатам. Созданный во время тотального военного конфликта пропагандистский образ врага при непосредственных контактах с противником трансформировался в сознании русских солдат в образ врага-человека. Убеждениям, сложившимся под влиянием пропаганды, был противопоставлен жизненный опыт.

⁷ Купцова 2004, 55.

⁸ Гончаров 1925, 5.

⁹ Репникова 2008, 231–234.

В 1930-е гг. перед советской пропагандой стояла задача сформировать образ героя-антифашиста, поэтому образ врага создавался согласно культивируемому в СССР принципу пролетарского интернационализма и при помощи коминтерновского мифа о полной непопулярности и неприятии фашистского режима большинством населения Германии. В данном контексте исторические примеры восприятия врага-немца в годы Первой мировой войны служили яркой иллюстрацией зарождения интернациональных идей в немецкой армии.

Для тиражирования образа врага периода Первой мировой войны пропагандой были привлечены разнообразные вербальные и визуальные средства (периодическая печать, мемуары, театр, карикатуры), среди которых особое место отводилось художественной литературе. В отличие от других средств, она воспроизводит реальную действительность посредством художественных образов, которые в определенных условиях становятся «историческим фактом» и прочнее запечатлеваются в памяти. К тому же, в рассматриваемый период над художественной литературой был установлен жесткий политический контроль. Писатели должны были создавать востребованные образы в строгих рамках социалистического реализма.

События Первой мировой войны в 1930-е гг. в своих романах освещали писатели, ее бывшие участники и современники: В. Арамилев, В.В. Вишневский, А. Вронский, Т. Дубинская, А. Зуев, Л. Кацов, А.Г. Лебеденко, А.К. Левин, И. Маркаров, Д. Оськин, С.Е. Розенфельд, С.Н. Сергеев-Ценский, Ю.Л. Слезкин, Л. Соболев, Н. Тихонов. Главными ориентирами для создания художественных произведений служили заданный властью вектор в трактовке событий 1914–1918 гг., личные воспоминания авторов, армейская документация и газетные материалы периода Первой мировой войны.

Писатели с уважением констатировали все присущие немецкой нации ценности: дисциплинированность, стойкость, практичность. Неудачи на фронте объяснялись «несокрушимой силой» немецких солдат, таких же подневольных людей, воюющих за империалистические интересы своего государства. Таким образом, в художественных текстах была показана характерная для Первой мировой войны трансформация образа врага, созданного средствами пропаганды, в образ врага-человека, разочарованного и уставшего от войны. В межвоенный период именно данное представление переросло в образ немца-интернационалиста, он закрепился в общественном сознании и культивировался советской пропагандой. Исторический пример образа врага периода Первой мировой войны способствовал формированию в предвоенном общественном сознании строгого разделения немцев на эксплуататоров-фашистов и угнетенный пролетариат, бесконечно сочувствующий Советскому государству рабочих и крестьян. Массовым явлением стала уверенность в классовом характере будущей войны.

Новый внешнеполитический курс, взятый на улучшение советско-германских отношений в августе 1939 г., внес изменения в трактовку образа врага. Невозможность ни открыто поддерживать антифашистские настроения в обществе, ни подавлять их в преддверии вероятного конфликта с нацистской Германией заставила советское руководство и пропагандистский аппарат искать окольные пути. Под давлением внешнеполитической конъюнктуры при изображении событий

1914–1918 гг. акцент делался на самоотверженное сопротивление русской армии противнику и гуманное отношение к военнопленным¹⁰.

С началом Великой Отечественной войны образ врага претерпел значительные изменения. Они были вызваны резкой сменой акцентов, вызванных новыми реалиями. Созданный в 1930-е гг. «коминтерновский» образ противника не выдержал испытания на достоверность. Его несостоятельность обернулась разочарованием и шоком, что потребовало изменить пропагандистские каноны в сторону воспитания и поощрения ненависти к фашистским захватчикам. Историческая ретроспектива борьбы с германской армией в годы Первой мировой войны была призвана демонстрировать почву зарождения германского фашизма.

На начальном этапе Второй мировой войны пропаганда в качестве примера исторического противоборства выбрала Наступательную операцию войск Юго-Западного фронта 1916 г. – Брусиловский прорыв. В короткие сроки Управлением пропаганды и агитации был санкционирован выпуск брошюр «Когда и как русский народ бил германских захватчиков»¹¹. Брошюру напечатали и растиражировали все функционирующие в стране центральные и местные издательства. Главное внимание в ней уделялось самоотверженной борьбе русской армии с немцами. Причем пропаганда предпочла не делать резких выпадов и при определении национальной принадлежности врага лишь частично отступила от исторической действительности. Реальным противником русских войск на Юго-Западном фронте была Австро-Венгерская армия. В брошюрах же фигурировала австро-германская. Основанием для этого стало утверждение, что по военным характеристикам австро-венгерская армия была слаба и неспособна к ведению серьезных боевых действий. Поэтому доминирующее положение в войсках союзника занимали германские соединения, которые были внедрены в австро-венгерскую армию для ее прочности. Австро-германский противник был жесток и коварен. Для психологической мобилизации и вызова ненависти к врагу сконструированный «образ врага» наделялся специфическими для противника чертами: национальная принадлежность, различие в психике, беспредельная жестокость. Данные характеристики врага повторялись во всех пропагандистских брошюрах и статьях, посвященных событиям Брусиловского прорыва¹².

Следующим шагом пропаганды стало появление в центральной печати статей, вскрывающих немецкие злодеяния в 1914–1918 гг. и подававших кайзеровских офицеров и солдат как предков гилеровцев. По заданию Управления пропаганды и агитации в Центральном военно-историческом архиве была сделана подборка документов, свидетельствующих о злодеяниях немцев в Первую мировую войну¹³. Опубликованные военные документы подтверждали пытки и издевательства немцев над русскими солдатами и военнопленными, варварские умерщвления раненых (сожжение, отравление), разгром санитарных поездов и госпиталей. Яркие примеры были нацелены на то, чтобы вызвать ненависть к фашистам и чувство мести. В 1943 г. в Ленинграде была выпущена книга «Зверства немцев

¹⁰ Цехновицер 1939.

¹¹ Леонидов 1941.

¹² Редкин 1941, 11–13.

¹³ Александров 1942, 59–64.

в войну 1914–1918 гг.» с предисловием знаменитого историка Е. Тарле¹⁴. Книга содержала разнообразный материал (военные документы, фотографии), собранный в годы Первой мировой войны Чрезвычайной Комиссией для расследования жестокостей и злодеяний, совершенных германскими войсками над населением оккупированных районов, а также над русскими военнопленными. Книга производила сильный психологический эффект на читателей, вызывая ярость по отношению к немцам и убеждая, что фашисты, в отличие от своих предков, не уйдут от ответственности и возмездия. Упомянутые издания были взяты на вооружение пропагандистами, агитаторами, писателями. Тема немецких зверств 1914–1918 гг. вошла в тематический план политуправлений армии и флота. В тылу данную тематику подхватили лекторы местных отделов пропаганды и агитации ВКП(б). Таким образом, на данном этапе создание образа врага достигалось пропагандой исключительно за счет конкретных фактов.

В 1943 г. после перехода стратегической инициативы в руки Советской Армии образ врага-немца периода 1914–1918 гг. претерпел изменения. Пропаганда, используя прием создания ассоциативных моделей (фашисты ассоциировались с кайзеровской армией), сконцентрировалась на показе морального разложения германской армии в Первую мировую войну. В качестве источников были привлечены опубликованные работы немецких исследователей и материалы Следственной комиссии германского рейхстага. Ненависть немецких солдат к офицерам, голод, экономическое истощение Германии, перевес сил противников привели германскую армию к развалу. Героические действия кайзеровских солдат трактовались советской пропагандой как мужество отчаяния, а издевательство над военнопленными – как ярость за свои неудачи на фронте. Капитуляция кайзеровской Германии в 1918 г. подавалась как закономерность, которая в конечном итоге вела к неминуемому концу фашистскую Германию: «Гитлеровскую авантюру ждет еще более бесславный конец, чем конец вильгельмовской авантюры»¹⁵.

Продвижение советских войск в Европу снизило значимость военного противника. Главной целью стало предотвращение кровавых расправ над немцами и мирным населением. Воспитанную за годы Великой Отечественной войны ненависть к фашистам нужно было заменить чувством снисхождения. Тональность в изображении врага-немца периода Первой мировой войны претерпела изменения. Тема затрагивалась только в мемуарной и художественной литературе, посвященной Брусиловскому прорыву. Привлечение данных средств пропаганды закрепляло национально-культурное отторжение немцев и фиксировало сконструированный образ в исторической памяти. Враг-немец изображался слабым, никчемным, жалким.

Заключение

Таким образом, в 1930–1940-е гг. для адекватного изображения врага-немца советская пропаганда обратилась к историческому примеру русско-германского противостояния – Первой мировой войне. На процесс создания образа врага оказали влияние дипломатические коллизии 1930–1940-х гг., сжатые сроки, мас-

¹⁴ Михайлович, Полянская 1943.

¹⁵ Яковлев 1943, 182–183.

совость объекта распространения (население СССР), социально-исторический и индивидуальный опыт. В 1930-е гг. образ врага формировался под влиянием господствовавшей в СССР концепции пролетарского интернационализма. Обращение к военному конфликту 1914–1918 гг. демонстрировало зарождение в германской армии революционных идей и ненависти к империалистической власти. Быстро меняющаяся внешнеполитическая ситуация расставляла свои акценты в изображении врага. Начало Великой Отечественной войны внесло новые коррективы в образ врага периода Первой мировой войны. Вторжение Германии на территорию СССР актуализировало исторические факты негуманного отношения немцев к русским солдатам и военнопленным в Первую мировую войну. Конкретные примеры зверств и ассоциативные модели были нацелены на достижение пропагандистского эффекта и рождали у советского человека эмоциональную враждебность и неприятие фашистов. Победы Советской армии сняли необходимость широкой пропаганды образа врага-немца периода Первой мировой войны, но произведения мемуарной и художественной литературы содействовали его закреплению в исторической памяти.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров, Г. (ред.) 1942: Документы о зверствах немцев во время мировой войны 1914–1918 гг. *Пропагандист* 10, 59–64.
- Голубев, А.В. (ред.) 1998: *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века*. М.
- Гончаров, В.Л. (сост.) 1925: *Разложение армии в 1917 году*. М.-Л.
- Дорожкин, А.Г. 2004: Российское дворянство во второй половине XIX – начале XX вв. в освещении германоязычных историков. *ПРИ* 3, 91–110.
- Леонидов, Н. 1941: *Когда и как русский народ бил германских захватчиков (В помощь пропагандисту и агитатору)*. М.
- Купцова, И.В. 2004: «Наш солдат – это солдат удивительной, прямо таки железной стойкости». *Военно-исторический журнал* 10, 54–59.
- Михайлович, З.З., Полянская, Л.И. (сост.) 1943: *Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. По документам Первой мировой войны*. Л.
- Редкин, А.Н. 1941: Победа русских войск над германской армией в империалистической войне 1914–1918 гг. *Пропагандист* 15, 11–13.
- Репников А.П. (сост.) 2008: *Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг.* М.
- Сенявская, Е.С. 2006: *Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества*. М.
- Фатеев, А.В. 1999: *Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг.* М.
- Цехновицер, О. (ред.) 1939: *Война. К 25-летию мировой войны 1914–1918*. Л.
- Чернова, Н.В. 2004: Кинематограф как средство деформации исторической памяти (на примере сталинской киномифологии). В кн.: И.В. Нарский, О.С. Нагорная, О.Ю. Никонова, О.Ю., Хмелевская, Ю.А., (ред.), *Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии*. Челябинск, 314–331.
- Шулежкова, С.Г. (ред.) 2015: *Публицистический арсенал общественных движений России и Германии*. Магнитогорск.
- Яковлев, Л. 1943: По страницам военных журналов. *Звезда* 1–2, 182–183.
- Dowling, T.C. 2008: *The Brusilov Offensive*. Bloomington.
- Petrone, K. 2011: *The Great War in Russian Memory*. Indiana University Press.

REFERENCES

- Aleksandrov, G. (red.) 1942: Dokumenty o zverstvah nemcev vo vremja mirovoj vojny 1914–1918 gg. *Propagandist* 10, 59–64.
- Cehnovicer, O. (red.) 1939: *Vojna. K 25-letiju mirovoj vojny 1914–1918*. London.
- Chernova, N.V. 2004: Kinematograf kak sredstvo deformacii istoricheskoy pamjati (na primere stalinskoj kinomifologemy). In: I.V. Narskij, O.S. Nagornaja, O.Ju. Nikonova, Ju.A. Hmelevskaja (red.), *Vekpamjati, pamjat' veka: opytobrashhenija s proshlym v XX stoletii*. Cheljabinsk, 314–331.
- Dorozhkin, A.G. 2004: Rossijskoj dvorjanstvo vovtoroj polovine XIX – nachala XX vv. v osveshhenii germanojazychnykh istorikov. *Problemy rossijskoj istorii* 3, 91–110.
- Dowling, T.C. 2008: *The Brusilov Offensive*. Bloomington.
- Fateev, A.V. 1999: *Obraz vruga v sovetskoj propagande 1945–1954 gg.* Moscow.
- Golubev, A.V. (red.). 1998: *Rossija i Zapad. Formirovanie vneshnepoliticheskikh stereotipov v soznanii rossijskogo obshhestva apervoj poloviny XX veka*. Moscow.
- Goncharov, V.L. (sost.) 1925: *Razlogenie armii v 1917 godu*. Moscow–Leningrad.
- Jakovlev, L. 1943: Po stranicam voennykh zhurnalov. *Zvezda* 1–2, 182–183.
- Kupcova, I.V. 2004: «Nash soldat – jeto soldat udivitel'noj, prjamo taki zheleznoj stojkosti». *Voенно-istoricheskij zhurnal* 10, 54–59.
- Leonidov, N. 1941: *Kogda i kak russkij narod bil germanskikh zahvatchikov (V pomoshh' propagandistu i agitatoru)*. Moscow.
- Mihajlovich, Z.Z., Poljanskaja, L.I. (sost.) 1943: *Zverstvanemcev v vojnu 1914–1918 gg. Po dokumentam Pervomirovoj vojny*. London.
- Petrone, K. 2011: *The Great War in Russian Memory*. Indiana University Press.
- Redkin, A.N. 1941: Pobeda russkikh vojsk nad germanskoj armiej v imperialisticheskoy vojne 1914–1918 gg. *Propagandist* 15, 11–13.
- Repnikov, A.P. (sost.) 2008: *Dnevnik L.A. Tihomirova. 1915–1917 gg.* Moscow.
- Senjavskaia, E.S. 2006: *Protivniki Rossii v voynah HH veka: Jevoljucija «obrazavruga» v soznanii armii i obshhestva*. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. (red.) 2015: *Publicisticheskij arsenal obshhestvennykh dvizhenij Rossii i Germanii*. Magnitogorsk.

“THE ENEMY IS STRONG BUT NOT FEARFUL!” THE IMAGE OF ENEMY
IN THE FIRST WORLD WAR IN SOVIET PROPAGANDA OF 1930–1940 s.

Olesya Y. Starodubova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
starodubova_olesya@mail.ru

Abstract. The total military conflicts of the XX century between Russia and Germany stacitized negative perception of two states and accumulated a special form of perception of each other – “an image of the enemy”. The difficult foreign policy situation of intermilitary and military years has set the object for the Soviet propaganda –to create an image of the opponent adequate to modern realities in the mildest terms.

In 1930–1940-ies to achieve that goal propaganda authorities appealed to the historical example of the German-Russian confrontation - the First World War. The process of creating an enemy image was influenced by diplomatic conflicts 1930–1940-ies., deadlines, mass distribution of the object (the population of the USSR), the socio-historical and individual experience. In

1930s the enemy image was formed under the influence of dominated in USSR conception of proletarian internationalism. Appeal to the military conflict 1914–1918s showed the formation of revolutionary ideas and hatred of imperialist authority in German army. The major reference point for propaganda authorities was communicative historical memory, implicative direct collective and personal experience of interaction with German army in 1914–1918s.

Fast changing foreign policy situation highlighted its own key points in representing the enemy. Invasion of German forces in the territory of Soviet state made actual the First world opposition and introduced own amendments in an image of the enemy. Invasion of Germany on the territory of the USSR staticized actual historical facts of inhuman attitude of the Germans to Russian soldiers and prisoners of war in the First World War. Specific examples of brutalities and associational patterns were aimed at the achievement of propaganda effect with soviet people and formed emotional animosity and rejection of fascists. The victory of soviet army removed the necessity of the extensive propaganda of German enemy in the First World War but with the help of memoirs and fiction works contributed to its fixation in the historical memory.

Key words: image of the enemy, the Soviet propaganda, the First World War, Brusilov Offensive, historical memory, communicative memory, associative pattern, the mass consciousness
